

ИМПЕРИЯ, КОТОРУЮ МЫ (НЕ)ЗНАЕМ¹

А.Т. Урушадзе

Аннотация. В статье рассматриваются итоги и перспективы изучения губернских отчетов и материалов сенаторских ревизий. Историки сходятся во мнении, что губернаторские отчеты, как и сенатские ревизии, — источник разнообразной историко-документальной информации. Это доказывает историографическая практика использования отчетов в конкретно-исторических исследованиях. Автор выделяет несколько традиций в изучении губернских отчетов. В рамках советской историографии основное внимание уделялось вопросу достоверности исторического источника и анализу социально-экономических данных. Постсоветская и современная историография показали широкие возможности губернских отчетов в изучении взаимоотношений правительства и местной администрации. Особое внимание уделяется отчетам кавказских наместников, на примере которых в статье показаны механизмы повседневной работы с отчетами и их значение в бюрократических столкновениях. В статье подчеркивается, что отчеты с мест уникальны возможностью разглядеть в них не только имперскую политику, но, вместе с тем, имперское разнообразие в его многочисленных измерениях: политическом, социальном, правовом, культурном, конфессиональном.

Ключевые слова: Российская империя, губернаторские отчеты, сенаторские ревизии, Кавказ, кавказский наместник.

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, литера А, aورشadze@eu.spb.ru.

¹ Статья подготовлена за счет средств Российского научного фонда проект 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

THE WE (UN)KNOWN EMPIRE

A.T. Urushadze

Abstract. The article discusses the results and prospects of study of the provincial reports and materials of the senatorial revisions. It is noted that both historians agree that reports of governors and inspections of senators are sources of various historical and documentary information. It is proved by historiographic practice of using reports in concrete historical researches. The author identifies several traditions in the study of provincial reports. The Soviet historiography focused on the issue of reliability of historical source and analysis of socio-economic data. Post-Soviet and modern historiography has shown the great potential of provincial reports in the study of the relationship between the government and local administration. Particular attention is paid to the reports of the viceroys of the Caucasus. The article uses this example to demonstrate the mechanisms of the daily usage of reports and their significance in bureaucratic clashes. The article stresses that the field reports are unique in their ability to discern not only imperial politics but also the imperial diversity in its many dimensions: political, social, legal, cultural and confessional.

Keywords: Russian Empire, governor's reports, senatorial audits, Caucasus, viceroy of the Caucasus.

Urushadze Amiran T., Candidate of Science (History), Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41, Chekhov Av., Rostov-on-Don, 344006, Russia; Associate Professor, European University at Saint-Petersburg, 6/1A, Gagarinskaya St., Saint-Petersburg, 191187, Russia, aurushadze@eu.spb.ru.

«Ревизор» продолжает дело «Карты родины» (Новое прошлое / The New Past, 2/2019) – пытается разобраться в том, как была устроена империя Романовых, кто и на каких условиях ею управлял. «Карта родины», как и положено, представила разнообразие российского имперского пространства, показав одновременно и удобство, и архаичность этой аналитической категории. Измеряя Российскую империю разнообразием ее этнографии, социально-экономических и административных укладов мы объясняем все, не объясняя ничего.

«Ревизор» следует по основным координатам «Карты», но в его намерения входит переосмысление и актуализация одного из главных свидетельств имперского разнообразия – губернаторских отчетов и сенаторских ревизий. Эти источники, казалось бы, привыкли к амбивалентному отношению со стороны познающих субъектов. С одной стороны, отчеты-ревизии всегда ценились как источники сгруппированного (хронологически и тематически) фактического материала, а с другой – редко становились объектом специального контекстного или источниковедческого изучения.

Развитие советской историографии нельзя представить без целого ряда источниковедческих дискуссий о достоверности того или иного вида источников. Дебатировалась и степень достоверности губернаторских отчетов с заметным уклоном в обсуждение показателей урожайности [Улащик, 1961; Дятлова, 1964; Нифонтов, 1974; Литвак, 1977]. Советские историки со свойственным профессионализмом отмечали, что сведения ежегодных губернаторских отчетов в целом достоверны, но их использование предполагает «оптовый» подход. Отдельные отчеты могут содержать статистические девиации, абсурдность которых заметна только при сплошном анализе отчетов за несколько лет.

Постсоветская историография оставила в стороне вопрос о методике работы с отчетами и ревизиями. Это полностью соответствовало духу времени: в 1990-е гг. российские историки преодолевали концептуальное голодание, источниковедческие проблемы находились на периферии научного внимания. Современная российская историография исключительно эффективно использовала и использует гетерогенный информационный потенциал рассматриваемых документов, но, вместе с тем, начался новый этап в изучении функциональных и нарративных особенностей этих источников. Здесь прежде всего необходимо отметить работы А.С. Минакова [Минаков, 2005; Минаков, 2011а]. Историк систематически разрабатывал проблему взаимоотношений центральной и местной власти на основе данных губернаторских отчетов, что позволило показать когнитивные возможности источника и пределы его использования. А.С. Минаков выявил и функциональные особенности годовых отчетов о состоянии губерний, которые начали составляться в начале XIX в. по инициативе образованного в 1802 г. Министерства внутренних дел. Губернаторские отчеты являлись средством мониторинга политической и социально-экономической обстановки на местах и одним из источников формирования правительственного курса [Минаков, 2011б]. В одной из новейших публикаций А.С. Минаков отметил перспективные направления дальнейшего изучения губернаторских отчетов. По его

мнению, наиболее проработанной является процедура рассмотрения отчетов отдельными ведомствами, правительством и лично императорами, а об этапах и особенностях подготовки отчетов на местах известно меньше. При этом, «именно в местном документальном материале содержится ключ к решению вопроса о достоверности отчетов, о деталях подготовки этих документов, о факторах, влиявших как на подбор фактов, так и на их интерпретацию» [Минаков, 2016]. Не меньшего внимания заслуживает и то обстоятельство, что подготовка губернаторских отчетов являлась важным общественным событием в провинциальной жизни. В черновых и подготовительных текстах артикулировались оценки текущего состояния дел в губернии не только со стороны губернатора и официальной администрации, но также и дворянской корпорации, местных институтов самоуправления.

Это же было характерно и для ревизорских отчетов, о чем мне ранее доводилось писать на примере сенаторской ревизии Тифлисской судебной палаты 1910 г. [Урушадзе, 2019]. Исторические интерьер и механизм проведения ревизий в Российской империи порой имели мало общего с обстоятельствами, описанными в гоголевском «Ревизоре». Так, Н.М. Рейнке, проводивший ревизию учреждений Тифлисской судебной палаты, опирался в своих оценках преимущественно на данные местных судебных чиновников, прослуживших на Кавказе много лет, а сами чиновники воспринимали ревизора не как разоблачителя, но как персонифицированную возможность показать далекой столице проблемы и потребности окраины.

Историки сходятся во мнении, что губернаторские отчеты, как и сенаторские ревизии, — источник разнообразной историко-документальной информации. Это доказывает историографическая практика использования отчетов в конкретно-исторических исследованиях. Как уже было отмечено выше, А.С. Минаков изучал отчеты как свидетельства по истории взаимоотношений центральных и губернских институтов власти. Губернаторские и жандармские отчеты анализировались в широких контекстах, связанных с реализацией масштабных научных программ.

Так, П.В. Акульшин успешно показал формирование практики губернаторских отчетов в контексте реформ Александра I и общих попыток В.П. Кочубея и других членов Негласного комитета рационализировать управление империей [Акульшин, 2005]. Большое значение работа с отчетами имела в рамках изучения эффективности местного управления Российской империи — научного проекта С.В. Любичанковского. При этом, С.В. Любичанковский обоснованно подчеркнул необходимость критического взгляда на достоверность сведений отчетов, указывая, что более плодотворным в контексте истории местного управления может быть внимательный анализ другого вида источников — циркулярных писем [Любичанковский, 2009, с. 53]. Новаторским следует считать историко-антропологический подход к изучению деятельности казанских губернаторов, который был предложен в работах А.Н. Бикташевой [Бикташева, 2012]. Историк успешно откорректировала представление о том, что формуляр губернаторских отчетов заслонял индивидуальные проявления различных инициатив и программных замыслов губернаторов [Бикташева, 2017, с. 150–151].

Новыми подходами отмечено и изучение материалов сенаторских ревизий. В коллективной монографии «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (2020 г.) рассматриваются три ревизии: Лифляндской и Курляндской губерний Н.А. Манасеиным (1882–1883 гг.), Туркестанского края К.К. фон дер Палена (1908–1909 гг.) и Тифлисской судебной палаты Н.М. Рейнке (1910–1911 гг.) [Национальные окраины..., 2020, с. 74–124]. Авторы соответствующих глав отмечают, что рассмотренные ревизии являлись способом сбора информации о текущем положении и шагом на пути определения новых управленческих стратегий империи на окраинах.

Широко используются губернаторские отчеты и в исследованиях, посвященных отдельным аспектам исторического прошлого. А.С. Маджаров и Е.Л. Пономарева показали возможности отчетов в реконструкции социальной истории Восточной Сибири в 1850-е–1880-е гг. [Маджаров, Пономарева, 2015]. В новейшей работе А.А. Иванова и С.Л. Курас представлен анализ отчетов иркутских генерал-губернаторов как источников по истории сибирской политической ссылки [Иванов, Курас, 2019].

Примеры разнообразного использования в современной историографии сведений из губернаторских отчетов и сенаторских ревизий показывают широкий информационный спектр этих документов. Замечу также, что меньше всего сейчас их используют для оценки урожайности в российских губерниях, что показывает смену парадигмы восприятия отчетов. Если для советских историков отчеты были интересны в первую очередь социально-экономическими показателями, то новыми поколениями исследователей они преимущественно рассматриваются в контексте политико-административных процессов.

Губернаторские отчеты, как и материалы сенаторских ревизий, проводившихся на территории окраин Российской империи, являются во многом уникальным документальным комплексом, потенциал которого еще далеко не исчерпан. Что позволяет утверждать это? Большая часть того, что известно историкам о Российской империи объективировано в многочисленных законодательных и делопроизводственных документах. Этот информационный массив показывает, прежде всего, не состояние имперского пространства в его разнообразии, а разнообразную имперскую политику, направленную на обеспечение самодержавного суверенитета и правительственного контроля на местах. Главный памятник российской бюрократии это, безусловно, многочисленные архивные фонды, в которых историки проводят свои жизни. Однако, российская бюрократия «рассказала» в порожденных ею документах скорее о себе, чем об империи. Российская империя, которая относительно известна, это империя как политика и контроль, империя военных и чиновников на различных должностях, империя продуманных правительственных проектов и их непредвиденных результатов, говоря обобщенно – империя властной вертикали. Но есть и другая Российская империя – повседневных контактов населения и администрации, рутинных практик аккультурации и ассимиляции, трудностей перевода в суде и соседских споров, разнообразных форм собственности и фальшивых грамот на дворянство, архаичных хозяйственных укладов, нерегулируемых культурных императивов. Все это можно обобщить как империю подчиненной,

но недоуправляемой горизонтали. Главные действующие лица в этой империи два «великих незнакомца» — крестьянин и инородец.

Именно губернаторские отчеты и сенаторские ревизии наделяют «незнакомцев» голосами, часто трудноразличимыми, иногда представляющими собой лишь эхо из региональных бюрократических коридоров. Тем не менее, отчеты с мест уникальны возможностью разглядеть в них не только имперскую политику, но, вместе с тем, имперское разнообразие в его многочисленных измерениях: политическом, социальном, правовом, культурном, конфессиональном. Зачастую местное начальство намеренно актуализировало региональную специфику, подчеркивая особенность управляемой территории. Этот прием обладал большой эффективностью, благодаря ему провинциальные, а особенно окраинные, администраторы оправдывали собственные неудачи и просчеты и еще важнее — формировали чувство робости у центральной бюрократии.

Показателен пример кавказских наместников, всегда решительно отстаивавших свое автономное положение. Первый кавказский наместник М.С. Воронцов (1844–1853) преодолевал противодействие министров благодаря доверию императора Николая I и праву прямого обращения к монарху. Лучшее об этом сказано в письме управляющего делами Кавказского комитета В.П. Буткова к главе канцелярии наместника С.В. Сафонову от 22 февраля 1846 г.: «Но в министерствах князя Михаила Семеновича боятся: знают, что государь дорожит им; знают, что князь тверд в своих требованиях; знают, что князь имеет право и готов писать обо всем прямо государю; одним словом знают, что он и силен и могущ» [РГИА, ф. 1250, оп. 2, д. 10, л. 70].

Отчеты М.С. Воронцова также направлялись лично императору и являлись для наместника еще одной возможностью прямой коммуникации с самодержцем. 1 января 1849 г. С.В. Сафонов уведомлял В.П. Буткова об отправке в столицу отчета кавказского наместника за три года управления краем 1846–1848 гг. Документ отправлялся с нарочным фельдъегерем и был основательно упакован: «Отчет, заделанный в особый пакет между двух досок в клеенке» [РГИА, ф. 1268, оп. 3, д. 22, л. 1]. Фельдъегерь доставил отчет В.П. Буткову уже 12 января. Управляющий делами Кавказского комитета незамедлительно представил отчет М.С. Воронцова императору, о чем сообщил в Тифлис письмом от 15 января [РГИА, ф. 1268, оп. 3, д. 22, л. 3]. Николай I прочитал отчет кавказского наместника сразу после его получения, об этом свидетельствует письмо военного министра и председателя Кавказского комитета А.И. Чернышева к М.С. Воронцову от 16 января: «Государь император изволил рассматривать во всей подробности, с величайшим любопытством и удовольствием отчет вашего сиятельства по гражданскому управлению Кавказским краем за вторую половину 1846-го, 1847-й и 1848 годы» [РГИА, ф. 1268, оп. 3, д. 22, л. 5]. Отчеты за трехлетний период к тому времени были уже не новым форматом организации контроля и определения новых задач администрации. Главноуправляющий в Грузии Г.В. Розен (1831–1837) также отчитывался за трехлетие 1832–1834 гг. [РГИА, ф. 561, оп. 1, д. 158, л. 3–16]. Отчет М.С. Воронцова по гражданскому управлению был принят императором хорошо. Еще с большим благоволением император оценил рапорт наместника о военных

действиях против горцев, который был доставлен вместе с отчетом. На рапорте Николай I оставил отметку: «Очень удовлетворительно».

Эти детали показательно свидетельствуют о внимании к отчетам регионального начальства со стороны российских монархов, о высоком статусе подобных документов. С отчетом М.С. Воронцова после императора поочередно были ознакомлены члены Кавказского комитета. При этом отчет после каждого прочтения возвращался обратно управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову в течение двухнедельного срока. Отчеты главноуправляющих в Грузии, а затем кавказских наместников хранились в канцелярии Кавказского комитета и в случае необходимости могли быть выданы для ознакомления в служебных целях. Так, в 1850 г. директор канцелярии Военного министерства П.А. Вревский на протяжении нескольких месяцев изучал трехлетний отчет М.С. Воронцова [РГИА, ф. 1268, оп. 3, д. 22, л. 266–269].

Взаимодействие профильного территориального комитета и региональной администрации было характерно для Российской империи, где кроме Кавказского в разное время существовали также Сибирские комитеты, Амурский, Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского, Еврейский, Остзейский и Комитет при статс-секретаре Финляндском [Ремнев, 2010, с. 252–292]. Аналогичная схема управления имперскими окраинами-колониями существовала в Испании XVI–XVIII вв. Наместники американских и филиппинских колоний Испанской империи регулярно отправляли отчеты в Совет Индий, который оценивал эффективность колониальной администрации, а также выдвигал кандидатуры на занятие высших постов в американских вице-королевствах [Eissa-Barroso, 2017]. В XIX–начале XX в. специализированные министерства по делам колоний появились во многих европейских странах, в том числе Великобритании (1854) и Германии (1907). Подобный институт имел шансы появиться и в государственной структуре Российской империи, но так и не был учрежден [Сандерленд, 2010].

Для предпоследнего кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова (1905–1915) отчеты по управлению краем также выполняли функцию прямого обращения к императору. Учитывая, что положение И.И. Воронцова-Дашкова в имперской политической системе было гораздо более уязвимым, чем положение его предшественников на посту кавказского наместника, именно отчеты становились серьезной возможностью заручиться столь дефицитным доверием Николая II. Кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков почти непрерывно находился под огнем ожесточенной, а иногда откровенно уничижительной критики, которую публично артикулировали на страницах периодической печати и с думской кафедры. Пресса называла наместника за его либеральные методы борьбы с революцией «красным». Правые в думе во главе с В.М. Пуришкевичем инициировали в 1908 г. «кавказский запрос», обвинив наместника и его окружение в растрате казенных денег и потворстве армянскому и грузинскому сепаратизму. В пылу думского обсуждения В.М. Пуришкевич прямо оскорбил наместника, заявив, что тот, «так стар и слаб, что иногда с конфеткой во рту засыпает над своими делами» [Исмаил-Заде, 2005, с. 140]. Самые резкие оценки И.И. Воронцова-Дашкова и его деятельности циркулировали в частной переписке. «Воронцов — зловерный идиот. Он граммофон революционных перепевов,

митинговых речей и вожделий местных сепаратистов», — отмечено в письме из Тифлиса на имя влиятельного чиновника министерства юстиции Н.И. Антонова от 19 апреля 1906 г. [РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 2].

Еще большей опасностью были для наместника непростые отношения с выдающимися государственными деятелями — С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным. Первый едва не сместил И.И. Воронцова-Дашкова с поста кавказского наместника в декабре 1905 г. Второй был постоянным оппонентом по многим политическим вопросам от реорганизации Армянской апостольской церкви до методов борьбы с абреками.

В отчетах за пять (1910 г.) и восемь (1913 г.) лет управления Кавказом И.И. Воронцов-Дашков продолжал дискуссию со своими оппонентами. Так, в отчете 1913 г. кавказский наместник отмечал: «В общем, все нападки на мое управление сводились к указаниям на отличие моих приемов от практики, применяемой в других частях империи. Так как своеобразие моих приемов по успокоению края вызывалось преимущественно местными особенностями, которые *трудно уяснить без напряженного внимания из далекого центра* (курсив мой. — А.У), то, насколько я понимаю, оно было для меня обязательно, теснейшим образом вытекая из самой идеи учреждения наместничества» [Воронцов-Дашков, 1913, с. 5].

Структура и содержание отчетов И.И. Воронцова-Дашкова отвечали задачам обзора эффективности и стратегической верности уже предпринятых наместником мер и подготовкой новых мероприятий. Благожелательное отношение императора к отчетам позволяло надеяться наместнику на большую свободу от правительства и высочайшее политическое прикрытие, которое стало необходимым любому крупному государственному деятелю в эпоху публичной политики.

Пример отчетов кавказских наместников еще раз демонстрирует богатство информационного потенциала этого источника. Здесь перед нами имперская политика и имперское разнообразие, служебно-иерархические столкновения и сценарии власти. Очевидно также, что имеет перспективу и реактуализация губернских отчетов как источников финансово-экономических данных, особенно в контексте вопроса цены окраин и в целом цены империи. Ведь повышенное внимание к региональным отчетам, которое проявляло министерство финансов трудно считать случайным или малозначачим.

Статьи, составившие нашего «Ревизора», показывают внушительный и разнообразный потенциал рассматриваемых документов и, кроме того, позволяют оценить их особенности в широкой пространственной перспективе. Сразу следует оговориться, что в теме номера читатель найдет статьи, которые анализируют различные формы отчетности. Наряду с губернаторскими отчетами и сенаторскими ревизиями представлены жандармские отчеты, отчеты государственного контроля, материалы ревизионного объезда начальника местной администрации. Такой подход к наполнению темы номера вызван не дефицитом специализированного содержания, но продиктован аналитическими мотивами. Обсуждение различных форматов

отчетной документации создает сравнительное и контекстное поле, в котором проясняются особенности и возможности каждого из рассматриваемых источников.

В статье А.Х. Абазова (Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН) рассмотрены отчеты губернаторов Закавказского края за 1840-е–1850-е гг. На основе этих свидетельств автору удалось реконструировать поиски оптимальной административно-территориальной модели южной окраины Российской империи. Исследование отчетов за этот период имеет принципиальное значение, так как в это время проходили масштабные изменения административной карты края, связанные как с преодолением последствий реформы сенатора П.В. Гана 1841 г., так и с учреждением кавказского наместничества в 1844–1845 гг.

Г.Н. Бибиков (Институт российской истории РАН) представил подробнейший разбор полугодовых губернских жандармских донесений. При этом такие свидетельства были изучены и как феномен политической жизни Российской империи 1830-х гг., и как комплекс исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Детальный анализ позволил автору выявить генеалогию этой формы правительственного контроля над губернской администрацией и, вместе с тем, показать индивидуальные личностные проявления жандармских штаб-офицеров – составителей донесений.

Статья В.В. Ефимовой (Петрозаводский государственный университет) выполнена в формате исторического расследования и показывает обстоятельства ревизии сенатора А.Ю. Дюгамеля Олонецкой губернии в 1860 г. Автор исключительно удачно развернула повествование по нескольким линиям – работа А.Ю. Дюгамеля, повседневность старообрядческих общин Олонецкой губернии и роль императора Александра II в оценке результатов ревизии. Особую ценность представляет авторский вывод о влиянии сенаторской ревизии А.Ю. Дюгамеля на изменение (либерализацию) правительственного курса в отношении старообрядцев.

Р.Ю. Почекаев (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики») на основе отчетов государственных контролеров Российской империи показал противостояние туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана с центральными правительственными институтами. Автор успешно показывает не только прямые служебно-иерархические столкновения генерал-губернатора и государственных контролеров, но межведомственные противоречия, стоявших за спинами оппонентов министерств и управлений. История борьбы К.П. фон Кауфмана за финансовую независимость от «ябедного контроля» столичной бюрократии коррелирует со стремлением к административной свободе кавказских наместников и сибирских генерал-губернаторов. Здесь открывается перспектива большого сравнительного и обобщающего исследования.

Д.Н. Прасолов (Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН) показал обстоятельства объезда Нальчикского округа начальником Терской области С.Н. Флейшером в 1913 г. Этот сюжет, несмотря на его странственную локализованность, имеет принципиальное значение. С.Н. Флейшер

отправился в Нальчикский округ по горячим следам больших аграрных волнений – Зольского восстания мая–июня 1913 г. В этом объезде за полицейской решительностью и менторским тоном областного начальника проступала готовность местной администрации к диалогу с обществом, желание понять мотивы участников социального протеста. Очевидно, что подобные примеры административной политики позволяют провести ревизию традиционных представлений о губернаторских объездах как формально-ритуальных политических практиках.

Надеюсь, что наш «Ревизор» привлечет внимание заинтересованного читателя, станет поводом к размышлениям о многомерности опыта Российской империи и несводимости ее исторической судьбы к политизированным стереотипным оценкам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // *Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина*. 2005. № 1. С. 66–73.
- Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 480 с.
- Бикташева А.Н. От унификации к спецификам: региональное управление в Российской империи (вторая четверть XIX века) // *Новое прошлое / The New Past*. 2017. № 1. С. 147–163.
- Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
- Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.
- Иванов А.А., Курас С.Л. Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX–начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 27. С. 99–113.
- Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: Центрполиграф, 2005. 512 с.
- Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст.* М.: Наука, 1977. С. 125–144.
- Любичанковский С.В. Изучение эффективности местного управления Российской империи как научное направление: основные задачи и перспективы реализации на региональном материале // *Вестник Омского университета*. 2009. № 1. С. 45–57.
- Маджаров А.С., Пономарева Е.Л. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX века в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2015. Т. 14. С. 6–17.
- Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX–начала XX веков // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 170–175.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. С. 5–24.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии Орловской губернии (1804–1914 гг.): проблемы выявления и использования // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011а. № 4. С. 103–110.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX–начала XX вв.). Орел: Издательский дом «Орлик», 2011b. 488 с.

Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.

Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев европейской России. М.: Наука, 1974. 318 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 561. Оп. 1. Д. 158.

РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 10.

РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 22.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983.

Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX–начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 511 с.

Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Поль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // *Проблемы источниковедения*. Т. 9. Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. С. 15–55.

Урушадзе А.Т. «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 4. С. 914–927.

Eissa-Barroso Francisco A. *The Spanish Monarchy and the Creation of the Viceroyalty of New Granada (1717–1739): The Politics of Early Bourbon Reform in Spain and Spanish America*. Leiden: Brill, 2017. 340 p.

REFERENCES

Akul'shin P.V. Reformatorskie plany i provincial'naja real'nost': gubernatorskie otchety pervyh let pravlenija Aleksandra I (na materiale Penzenskoj, Rjazanskoj, Tambovskoj i Tul'skoj gubernij) [Reformist plans and provincial reality: Governor's reports from the early years of Alexander I's reign], in *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2005. No 1. Pp. 66–73 (in Russian).

Biktaşeva A.N. *Antropologija vlasti: kazanskije gubernatory pervoj poloviny XIX veka* [Anthropology of power: Kazan governors in the first half of the 19th century]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 480 p. (in Russian).

Biktaşeva A.N. Ot unifikacii k specifikam: regional'noe upravlenie v Rossijskoj imperii (vtoraja četvert' XIX veka) [From Unification to Specificity: Regional Governance in the Russian Empire (second quarter of the 19th century)], in *Novoe prošloe / The New Past*. 2017. No 1. Pp. 147–163 (in Russian).

Voroncov-Dashkov I.I. *Vsepoddannejšij otčet za vosem' let upravlenija Kavkazom general-adjutanta grafa Voroncova-Dashkova* [Report on the eight years of administration of the Caucasus]. St. Petersburg: Gos. tip., 1913. 36 p. (in Russian).

Djatlova N.P. Otčety gubernatorov kak istoričeskij istočnik [Governors' reports as a historical source], in *Problemy arhivovedenija i istočnikovovedenija*. Leningrad: Nauka, 1964. Pp. 227–246 (in Russian).

Ivanov A.A., Kuras S.L. Vsepoddannejšie otčety irkutskih general-gubernatorov konca XIX–nachala XX v. kak istočnik izučenija sibirskoj političeskoj sŷylki [Reports of Irkutsk governor-generals in the late 19th and early 20th centuries as a source for the study of political exile in Siberia], in *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istorija"*. 2019. T. 27. Pp. 99–113 (in Russian).

Ismail-Zade D.I. *Graf I.I. Voroncov-Dashkov. Namestnik Kavkazskij* [Count I.I. Vorontsov-Dashkov. Viceroy of the Caucasus]. Moscow: Centrpoligraf, 2005. 512 p. (in Russian).

Litvak B.G. O dostovernosti svedenij gubernatorskich otčetov XIX v. [On the reliability of the information in the nineteenth-century governor's reports], in *Istočnikovovedenie otečestvennoj istorii: sb. st.* [Problems of archival science and source study]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 125–144. (in Russian).

Ljubichankovskij S.V. Izučenie jeffektivnosti mestnogo upravlenija Rossijskoj imperii kak nauchnoe napravlenie: osnovnye zadachi i perspektivy realizacii na regional'nom material [Studying the Efficiency of Local Government in the Russian Empire as a Scientific Direction: Main Tasks and Prospects of Implementation on the Regional Material], in *Vestnik Omskogo universiteta*. 2009. No 1. Pp. 45–57 (in Russian).

Madzharov A.S., Ponomareva E.L. Social'naja istorija Sibiri 50–80-h gg. XIX veka v materialah vsepoddannejših otčetov general-gubernatorov [Social history of Siberia in the 50's–80's of the XIX century in the reports of governor-generals], in *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istorija"*. 2015. Vol. 14. Pp. 6–17 (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddannejšie otčety gubernatorov kak istočnik po izučeniju vzaimootnošenij central'noj i mestnoj vlasti v Rossii vtoroj poloviny XIX–nachala XX vekov [Governors' reports as a source for the study of relations between central and local authorities in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries], in *Otečestvennaja istorija*. 2005. No 3. Pp. 170–175. (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddannejšie otčety gubernatorov Rossijskoj imperii: sovremennye problemy istoriografii [Reports of the governors of the Russian Empire: Current problems of historiography], in *Izvestija Vysshih učebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarne nauki*. 2016. No 2. Pp. 5–24 (in Russian).

Minakov A.S. Vsepoddannejšie otchety o sostojanii Orlovskoj gubernii (1804–1914 gg.): problemy vyjavlenija i ispol'zovanija [Reports on the state of the Oryol province (1804–1914): problems of identification and use], in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2011. No 4. Pp. 103–110 (in Russian).

Minakov A.S. *Gubernatorskij korpus i central'naja vlast': problema vzaimootnoshenij (po materialam gubernij Chernozemnogo centra vtoroj poloviny XIX–nachala XX vv.)* [The governor's corps and the central government: the problem of the relationship]. Orel: Izdatel'skij dom "Orlik", 2011. 488 p. (in Russian).

Nacional'nye okrainy v politike Rossijskoj imperii i ruskoj obshhestvennoj mysli [The national outskirts in Russian imperial politics and Russian social thought]. Ed. by A.T. Urušadze. Rostov-on-Don: JuNC RAN, 2020. 608 p. (in Russian).

Nifontov A.S. *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: Po materialam ezhegodnoj statistiki urožhaev evropejskoj Rossii* [Grain production in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1974. 318 p. (in Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 561. Inv. 1. D. 158.

RGIA. F. 1250. Inv. 2. D. 10.

RGIA. F. 1268. Inv. 3. D. 22.

RGIA. F. 1282. Inv. 2. D. 1983.

Remnev A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravlenija Rossijskoj imperii (vtoraja polovina XIX–nachalo XX veka)* [Autocratic government: the Committee of Ministers in the system of supreme government of the Russian Empire (second half of the XIX–early XX century)]. Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. 511 p. (in Russian).

Sanderlend V. Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushhestvovalsja, no imevsja dlja jetogo vse šansy kolonial'noe vedomstvo [Ministry of Asian Russia: never existed, but it had every chance of a colonial department], in *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Ed. by M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 105–149 (in Russian).

Ulašhik N.N. Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoj Belorussii kak istoričeskij istočnik (1804–1861 gg.) [Reports of the governors of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804–1861)], in *Problemy istočnikovvedenija* [Problems of source studies]. Vol. 9. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. Pp. 15–55 (in Russian).

Urushadze A.T. "Mnimaja justicija": gorskie slovesnye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovanija Kavkazskogo kraja v materialah revizii N.M. Rejnke [Mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform in the Caucasus region], in *Novejšaja istorija Rossii*. 2019. Vol. 9. No 4. Pp. 914–927 (in Russian).

Eissa-Barroso Francisco A. *The Spanish Monarchy and the Creation of the Viceroyalty of New Granada (1717–1739): The Politics of Early Bourbon Reform in Spain and Spanish America*. Leiden: Brill, 2017. 340 p.